

А.В. Рубцов

РЕВОЛЮЦИЯ КАК ХРОНОПОЛИТИКА И ЭТОС

Рубцов Александр Вадимович – кандидат философских наук, руководитель сектора философских исследований идеологических процессов. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: goubcov@inbox.ru

Рассматриваются два полюса отношения к революции: культ и амнезия, миф-основание государства и источник травмы. Анализируется противоречивое отношение к революции в современной России – как к событию 1917 года и как к политическому явлению в целом. На фоне новейшей истории политически и географически близких переворотов показано отношение к революции как к максимальной угрозе. Модерн (Новое время) рассматривается одновременно и как революция, и как «эпоха революций». Анализируется свойственный Модерну фундаментальный конфликт между идеями Нового и Порядка, дуализм модернизации и тоталитаризации, свободы и технологичной диктатуры. Особое внимание уделено судьбе понятия и феномена революции в контексте постмодерна с его отношением к истории как к «исчезающему денотату». Революция трактуется как одно из ключевых понятий хронополитики, политики скорости. Показана историчность понятия «современности», возникающего лишь с расслоением времени на больших скоростях, с конфликтом отставаний и забеганий. Антропологически феномен революции рассмотрен в контексте патопсихологии политического нарциссизма.

Ключевые слова: революция, хронополитика, политика скорости, современность, модерн, постмодерн, новое, порядок, свобода, тоталитаризм, политический нарциссизм

Хотя революции в государствах не являются благоприятной расстановкой светил при рождении истин такого рода (ибо эти истины кажутся зловещими для разрушителей старого порядка, а те, кто строит новый порядок, видят только их оборотную сторону), однако я не могу полагать, что развитые мною положения были в настоящее время осуждены теми, кто поставлен государством судить о различных учениях, или кем-либо желающим сохранения мира в государстве.

Т. Гоббс

Было жутко, ново и весело.

Василий Каменский

Все это было ново, страшно и противно.

Александр Куприн

1. Дело революции. Историческая память и коллективная амнезия

К концу 2016 года в России вдруг вспомнили, что наступающий 2017 год ознаменован столетием Великого Октября. Потом был легкий всплеск активности вокруг февральских событий – но неглубокий и недолгий. Даже когда до славного юбилея оставалось совсем недолго, в обсуждении темы сохранялось подозрительное затишье, изредка прерывавшееся академическими мероприятиями. У нас не так легкомысленно относятся к знаковой разметке времени, когда вдруг объявляется год культуры, ребенка или, например, «перекрестный год Германии в России» (хотя про объявление 2017 года годом экологии тоже быстро забыли).

Симптомы коллективного забывания одинаково подозрительны как в индивидуальных случаях, так и в социальных расстройствах. Считается, что болезнь Альцгеймера – самая распространенная причина развития старческого слабоумия или деменции. На идеологию это механически не переносится: здесь забывание и умолчание с «прореживанием дискурса» не менее значимы и эффективны, чем собственно говорение. Тем не менее всегда есть интуиция нормы и патологии, расстройства. Нашей идеологии до диагноза не так далеко: симптомы исторической забывчивости граничат с провалами в памяти.

Еще одно правило: забыванию подвергается прежде всего то, что не актуализируется в контексте решаемых задач. Вряд ли власть в России сочла для себя проблему революции полностью решенной и задачу ее предотвращения неактуальной. Скорее эта забывчивость из механизмов психологической защиты. Вытеснение (подавление, репрессия) выражается в активном устранении чего-либо из сознания и проявляется в виде немотивированного забывания или игнорирования. Вытеснение направлено на минимизацию отрицательных переживаний удалением из сознания того, что эти переживания вызывает. Вопрос в том, как долго на таком вытеснении можно продержаться.

Образ революции обычно выдвигается на первый план в двух взаимоисключающих контекстах. Либо он венчает идеологию самоуверенного политического порядка, возникшего в результате революционного переворота и провозглашающего себя продолжателем «дела революции» (таких примеров

было много, сейчас меньше – и они другого качества). Либо, наоборот, нервное заострение революционной тематики происходит от неуверенности режима, напуганного близкими, порой жутковатыми аналогиями, измученного плохими предчувствиями и революции страшщегося вполне ситуативно, по соображениям актуальной политической конъюнктуры. Любому неприятно, если под боком «арабская весна» с уходом Хуссейна и Каддафи.

Соответственно, и оценки революции как явления в данных ситуациях прямо противоположны. Революция может быть либо «мифом-основанием» государства, его порождающим началом, либо, наоборот, навязчивым кошмаром, синонимом страшного конца в актуальной политической апокалиптике. В плане отношения к революции политические режимы делятся на две большие категории, и уже сама их принадлежность в этой типологии к тому или иному полюсу говорит о многом. XX в. вообще был веком глобального раскола на идеологии революционные и контрреволюционные, в мягком варианте консервативные.

В России сейчас такого рода взаимоисключающие мотивы парадоксальным образом сходятся, порождая расколы в политическом сознании вплоть до известной его шизоидности. Столетие «Великого Октября» трудно было бы проигнорировать при всем желании: под знаменем Революции страна прожила почти век – одновременно и трагический, и вполне геройский, в летописи Отечества, пожалуй, самый славный и величественный – и самый страшный. И хотя гордыня сменилась неловкой стеснительностью, здесь трудно отказаться даже от советской лексики: революция 1917 года была событием поистине «всемирно-исторического», «планетарного» масштаба. При всей силе механизмов вытеснения о масштабе вызванных Революцией свершений и бедствий не дает забыть элементарная историческая совесть.

Тема революции реверсивно актуализируется в полуофициальной и теневой российской идеологии с характерной для нее идеализацией всего советского. В этом тренде очевидно присутствует установка на идеологическую операцию «СССР минус ВОСР», однако такого рода арифметика не всегда возможна. Даже если строить идеологию на том, чтобы полностью компенсировать вытеснение ВОСР максимизацией победы в ВОВ. Сейчас тему победы в Великой Отечественной войне отрабатывают так, будто победили вчера и нету других забот.

Одновременно в самосознании власти и массы нагнетается негатив в отношении к революциям как таковым. Страх перед перспективой повторения революционного сценария в России в той или иной его форме реален и не совсем лишен оснований. Цветные революции разных оттенков напоминают карту подвижного грозового фронта в штормовых предупреждениях метеослужб¹. Все это выглядит серией катаклизмов, вызванных не только локальными конфликтами, но и общим изменением климата в регионе. Поэтому столь мощные ресурсы закачиваются в технологии, призванные «разгонять облака» и успокаивать еще только намечающиеся ЧП.

Отсюда две линии в проработке темы революции:

- историко-мемориальная и собственно «юбилейная», взывающая в том числе к вниманию истории и теории;
- резко политизированная, ориентированная на задачи оперативной идеологии, пропаганды и контрпропаганды (как она понимается аналитическим эскортом режима).

¹ См.: Галич А.Э., Лушников Д.А. Технологии «цветных революций». М., 2010.

На этом распутье сейчас все более явственно не хватает не только согласования направлений с, казалось бы, несовместимыми, прямо противоположными подходами и оценками, но и более общей методологической рефлексии с приближением к «философии революции» – в самом широком смысле этого слова. Теория среднего уровня даже в лучших своих проявлениях, от «Социологии революции» Питирима Сорокина² до «Анатомии революции» Крейна Бринтона³, затрагивает далеко не все горизонты проблемы как в уровнях анализа, так и в эмпирии исследуемого времени, с тех пор существенно обновившейся⁴. Фундаментальная философская традиция осмысления революции и революционаризма также не дает готовых ответов – да и не должна! Философия вообще не дает решений, но скорее реконструирует извечные вопросы. Выбирать из классических версий более подходящие к политической ситуации и позиции – и вовсе дело идеологии или пропаганды. Классики философской (и не только) теории и историографии революции и сами достаточно четко распределены по карте политического ландшафта⁵.

Все это лишний раз подчеркивает философическую открытость вопроса, который политика хотела бы закрыть. Дальнейший анализ сосредоточен на двух аспектах «общей теории революционности»: на темпоральных измерениях революций и на «психоэтических» параметрах явления. Эти аспекты сейчас особенно важны – каждый сам по себе и особенно в их взаимосвязях, порой весьма неожиданных. Психология и мораль в данном случае имеют отношение к темпоральности и хронополитике уже потому, что графики процессов и событий в итоге часто оказываются решающим образом связаны с их оценками – и по характеру переживаний, и по исторической квалификации. Характерный пример – различия в оценках таких параметров, как «стремительность» и «постепенность», «умеренность» и «радикализм». Перефразируя Петра Столыпина, можно говорить об оппозиции «величия потрясе-

² Сорокин П.А. Социология революции // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 266–294.

³ Brinton C. The Anatomy of Revolution. N. Y., 1965.

⁴ См., в частности: *Голдстоун Д.А.* Революции. Очень краткое введение. М., 2015; *Эйзенштадт Ш.* Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М., 1999; *Голдстоун Д.* К теории революции четвертого поколения // Логос. 2006. № 5. С. 58–103; *Goldstone J.* Revolution and Rebellion in the Early Modern World. Berkeley, 1991; *Skocpol T.* States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia and China. Camb., 1979. См. также: *Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть.* СПб., 1994; *Блюм Р.Н.* Поиски путей к свободе: проблема революции в немарксистской общественной мысли XIX века. Таллин, 1985. Предлагается даже специальный термин: «революциология» – см.: *Шенелева В.Б.* Революциология. Проблема предпосылок революционного процесса 1917 года в России (по материалам отечественной и зарубежной историографии). Омск, 2005.

⁵ Вот не претендующий на полноту и систематичность и ограниченный во времени перечень имен, в разной степени проявившихся в рассмотрении революции как исторического и социально-политического явления: Франсуа де Греналь, Джеймс Гаррингтон (1611–1677), Франсуа де Греналь (161–1680), Франсуа Бернье (1620–1688), Луи де Жокур (1704–1779), Жан-Жак Руссо (1712–1778), Франсуа Ноэль (Гракх) Бабеф (1760–1797), Мари Жан Антуан Никола Кондорсе (1743–1794), Антуан Барнав (1761–1793), Эдмунд Берк (1729–1797), Вольней (Константен Франсуа Шосбеф) (1757–1820), Франсуа Огюст Мари Минье (1796–1884), Антуан Франсуа Клод Ферран (1751–1825), Жозеф Мари де Местр (1753–1821), Гегель (1770–1831), Томас Роберт Мальтус (1766–1834), Алексис де Токвиль (1805–1859), Пьер Жозеф Прудон (1809–1865), М.А. Бакунин (1814–1876), П.А. Кропоткин (1842–1921), Карл Маркс (1818–1883), Фридрих Энгельс (1820–1895), В.И. Ленин (1870–1924)... Этот блестящий состав не оставляет сомнений в корреляции идей с политическим «местом», из которого эти идеи генерируют. Последующее развитие идеологии и теории революции этой зависимости не отвергает, хотя, возможно, в большей степени допускает обратные связи – выбор политического «места» в зависимости от констелляции идей.

ний» и «стабильности величия». «Нормализация через время», приведение к оценке через темпоральность – все это связи, особенно интересные в самых разных контекстах новейшей философии времени, начиная с бифуркационной логики с ее особого рода качественными переходами и заканчивая атемпоральным постмодерном, в котором сама история признается исчезающим, если не утраченным денотатом. Этическое измерение скорости становится едва ли не знаком времени, и это не может не отразиться на понимании феноменов, к которым идеально применима характеристика Вебера: «карнавал, украшенный гордым именем “революция”»⁶.

2. Идеология революции и контрреволюция в идеологии. Войны в оценках явления

Революционная теория требует не отвлеченного теоретизирования, но активного участия в деле прогрессивного преобразования человека и общества – перестройки мира на лучших началах и основаниях. Но и без этих заветов актуальный контекст не может не влиять на аналитику и теорию. Однако речь здесь не о выборе партийности, а, наоборот, об установке на максимально возможное снятие «политического ангажемента». Если нельзя вполне освободиться от политических «демонов сознания» – от его предустановок и нагруженности злобой дня, то можно это предварительное напряжение встроить в анализ и тем отчасти обезвредить.

Трудно переоценить значение образа Революции в идеологии, культуре и сознании советской эпохи. Сейчас, когда само это понятие вытесняется внешней редактурой и внутренней самоцензурой, многое приходится напоминать и даже заново реконструировать. И тем не менее: именно Революция долгое время была главным словом, паролем времени и общества. И не только в идеологическом официозе: «В каком году мы с вами ни родились, / родились мы в семнадцатом году» (Евгений Евтушенко).

Это отношение не было однозначным. В посвященном Евтушенко «Сентиментальном марше» Окуджава дает почти парафраз: «Какое б новое сраженье ни покачнуло шар земной, / Я все равно паду на той, на той далекой на Гражданской...». Но начинается текст в иной тональности: «Надежда, я вернусь тогда, когда трубач отбой сыграет... / Надежда, я останусь цел: не для меня земля сырая, / А для меня – твои тревоги и добрый мир твоих забот». Не случайно «Сентиментальный марш» – единственный перевод советского поэта, сделанный когда-либо Набоковым (февраль 1966 года)⁷.

Однако для советского общества *en masse* революция была паролем *все-го* времени – и именно *нашего* общества. В сознании советского человека страна отождествлялась с эпохой в качестве ее авангарда – это была *наша* эпоха, все остальные в этом времени были «из прошлого». Более того,

⁶ Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 690.

⁷ Шишкин М. Русская Швейцария. Фрагменты книги // Дружба Народов. 2001. № 4. URL: <http://magazines.russ.ru/druzhiba/2001/4/shishh.html> (дата обращения: 04.09.2017). Более того, в своем англоязычном романе «Ada, or Ardor: A Family Chronicle» (1969) Набоков приводит обрывок одной из песен, звучащих в русском ресторане с измененным смыслом: Nadezhda, I shall then be back / When the true batch outboys the riot... Если в переводе Сергея Ильина пафос сохраняется и даже усиливается («Надежда, я вернусь тогда, / Когда горстка верных мужеством одолеет мятеж...»), то Виктор Пелевин этот пафос окончательно опускает («Надежда, я приду тогда, / когда правильная шобла перепачанит беспорядки...»).

сама эта эпоха была апофеозом всей идейной, политической, социальной, этической и пр. эволюции человечества. Советские люди жили в величайшее время, и лицом этого времени было их великое, величайшее в мире и истории государство. В свою очередь, само это величие было символом не только нашей революции, но и оплотом всех революций на этой планете. Примеры такой глобальной идейной экспансии считаются в истории по пальцам – даже если вынести за скобки всю ту долю воздействия, что держалась на внушении танками и подкупом «братской помощи в рамках пролетарской солидарности».

Сейчас многое выглядит здесь полузабытым помешательством, но архетип исторической и вселенской избранности никуда не делся. Эта ушибленность миссией и шрам величия достались и постсоветскому сознанию – как наследие СССР с глобусом на гербе. Даже когда этот архетип в нашем сознании кажется обезличенным, «вечно врожденным» и с прошлой революционной исключительностью внешне не связанным, его советские акценты не вызывают сомнения.

Важно подчеркнуть, что революционная романтика была именно архетипической и не сводилась к идеологической индоктринации. Даже школьники, уже бывшие не совсем детьми в понимании советской истории и реальности, в качестве светской иконы вешали портрет Че Гевары. Тогда не в ходу была цитата, ошибочно приписываемая Уинстону Черчиллю: «Кто в молодости не был радикалом (вариант: либералом) – у того нет сердца, кто в зрелости не стал консерватором – у того нет ума»⁸.

Обо всем этом сейчас приходится специально говорить, поскольку такого рода экзистенциальные принципы и обслуживающие их идеологемы буквально на глазах стираются и уходят. «Революционер» более не звучит гордо, наоборот, скорее это синоним недалёковидности и безответственности. У этой переоценки ценностей есть множество слоев и этапов, здесь все сложно перепутано, но именно в этой путанице и заключается характеристика момента и сознания. То, что вчера было шизофренией, сегодня принимают через постмодернизм.

Конфликт отношения к революционаризму/антиреволюционаризму зашит в самой матрице российской культуры. Он мог раскалывать даже вполне цельные личности: можно было подвергнуться гражданской казни и посетить каторгу – но и написать вещи, сильнее, чем что-либо, обличающие революционаризм как философию и мораль. Советская идеология долгое время односторонне культивировала революционную традицию в отечественной истории и культуре, однако при первой же возможности диссидентство вопреки собственной позиции подняло на щит именно антиреволюционаризм. Критика революции в главном совпала с критикой «Совдепии». Не случайно перемены отразились и в «Бесах» и «Окаянных днях».

Далее критика отечественной революции и революционаризма как такового оказалась вписана в хронику и логику многоэтапной (но так и не завершённой) десталинизации.

⁸ По утверждению П. Эдисона, фразу «If you're not a liberal when you're 25, you have no heart. If you're not a conservative by the time you're 35, you have no brain» сэр Черчилль вряд ли мог произнести, поскольку сам был консерватором в 15 лет и либералом – в 35; кроме того, это было бы оскорблением для Клемми (Клементины Черчилль), всю жизнь считавшейся отчаянной либералкой. Приписывают эту фразу многим: Бенджамину Дизраэли, Жоржу Клемансо, Победоносцеву, Горбачеву, а в измененном виде даже Путину: («Кто не жалеет о распаде СССР – у того нет сердца. Кто желает его реставрации – у того нет мозгов»).

Первым шагом было продвижение от разоблачения «культы личности» к критике «сталинизма без Сталина» – режима как системы, подчиняющейся своим структурным законам и вписанной в собственные траектории, в том числе с множеством всего бессубъектного. Очевидной и резкой альтернативой Сталину оказался Ленин – как трагически несостоявшийся символ якобы иной, «правильной» версии дела революции (при этом половина установленных в стране памятников Сталину была парной – с Лениным). В сакрализации фигуры Сталина, пожалуй, ключевой была именно эта его характеристика – как верного ученика и продолжателя дела Ильича. Тем самым в интригу десталинизации включался мощный личностный момент: не только измены идеям и принципам, но и предательства великого человека. Сам же Ленин подавался из «периода последних песен»: Горки, «политическое завещание» и политэкономическая умеренность, сменившая революционаризм периода борьбы за власть.

Следующий этап переоценки ценностей затрагивал уже и самого Ленина, а с ним – и идеалы Октября. Под ударом оказались большевизм, героика Гражданской войны и само эпохальное событие 1917 года, которое снисходительно перекалфицировали в «переворот». Шаг назад, от Сталина к Ленину, был сделан и в биографии самого Ленина: перепрыгивая через период «политического завещания», на свет извлекали именно революционаристские директивы, включая стремительные записки с требованиями террора, вплоть до предвосхищавших Сталина количественных параметров «технологических» расстрелов.

Следующий рывок назад приземлился в XIX в. и принял в оборот, с одной стороны, философию революции в лице Маркса, а с другой – революционную практику самого разного толка, от оппозиционной публицистики до террора, от заговорщических кружков до массовой агитации и пропаганды. У Маркса были вскрыты «доктринальные ошибки» – с крайне слабым различием собственно классика и его революционно-политической утилизации. При этом раннего Маркса с его «Философско-экономическими рукописями» 1844 г. начали забывать так же, как чуть ранее забыли позднего Ленина с его «Завещанием» и рядом не слишком ортодоксальных работ того периода.

Параллельно всплывали различия в самой революционной среде. Бесовству «нечаевщины» противопоставлялась изощренная этика «чайковцев», которых Кропоткин называл «Идеально чистыми и нравственно выдающимися» людьми⁹. Вместе с тем и здесь градация критики явно была связана с движением назад, вглубь истории, в том числе в обратной периодизации: от «пролетарского» этапа, через «разночинский» к «дворянскому». Романтизация декабризма еще сохранялась, когда пролетарские бои уже особенного энтузиазма не вызывали.

В этом движении пересмотра идей и ценностей вспять была своя логика, и она реализовывались в самостоятельной эволюции сознания. Тем интереснее совпадение этой логики с конспирологией тайных прорабов перестройки, как потом выяснилось, замышлявших идеологический реверс именно в этой последовательности и на этой фактуре¹⁰.

⁹ Сабурова Т., Эклоф Б. Дружба, семья, революция: Николай Чарушин и поколение народных 1870-х годов. М., 2016.

¹⁰ «После XX съезда, – писал А.Н. Яковлев, – в сверхузком кругу своих ближайших друзей и единомышленников мы часто обсуждали проблемы демократизации страны и общества. Избрали простой, как кувалда, метод пропаганды “идей” позднего Ленина. Надо было ясно, четко и внятно вычленить феномен большевизма, отделив его от марксизма прошлого века. А потом без усталости говорили о гениальности позднего Ленина, о необходи-

Глубину этой смены трудно переоценить. Петр Шахов – герой нашумевшей киноэпопеи Ф.М. Эрмлера «Великий гражданин» (1938 год, прототип С.М. Киров) мечтает на совещании ударников: «Эх, лет через двадцать, после хорошей войны, выйти да взглянуть на Советский Союз – республик этак из тридцати-сорока. Черт его знает, как хорошо!». Теперь на этой части суши другие настроения: «Антиреволюционная идеологическая платформа объединяет власть, частный капитал и церковь; прозападных либералов, националистов и популистов, включая именующих себя левыми (КПРФ); милитаристов и правозащитников; идеологов частной собственности и носителей обывательского “здорового смысла”»¹¹.

3. Революции в хронополитике Модерна и постмодерна. История как «исчезающий денотат»

Явление и, соответственно, понятие революции историчны: они возникают и видоизменяются. Есть версия, что этот хронополитический формат себя изживает. Революции последнего времени сплошь и рядом случаются со всей положенной атрибутикой, но при этом глубоких, качественных, а тем более «прогрессивных» переходов не обнаруживают. Типовой диагноз: «меняются кланы, но не режимы». Невооруженным глазом видны следы постмодерна: в революционных событиях тоже начинает доминировать самодовлеющая форма¹².

Хотя и это не самая большая новость – судя хотя бы по переписке графа Йорка с Дильтеем, сочувственно цитированной Хайдеггером: «“Ученые” стоят перед силами времени, как тончайше образованное французское общество перед тогдашним революционным движением. Здесь как и там формализм, культ формы <...> Беспочвенность мысли и веры в такую мысль – на взгляд теории познания: метафизическое поведение – есть исторический продукт»¹³.

В макроистории подлинная эпоха революций – это Новое время, Модерн, который и сам есть революция, и начинается с революций, и превращает революции в мировую «хронику». «...Современность отчаянно отрицает замкнутость вечно неизменного; одним из инвариантов модерна является взрыв»¹⁴.

мости возврата к ленинскому “плану строительства социализма” через кооперацию, через государственный капитализм и т. д. Группа истинных, а не мнимых реформаторов разработали (разумеется, устно) следующий план: авторитетом Ленина ударить по Сталину, по сталинизму. А затем, в случае успеха, Плехановым и социал-демократией бить по Ленину, либерализмом и “нравственным социализмом” – по революционаризму вообще. Начался новый виток разоблачения “культа личности Сталина”. Но не эмоциональным выкриком, как это сделал Хрущев, а с четким подтекстом: преступник не только Сталин, но и сама система преступна» (Яковлев А.Н. Большевизм – социальная болезнь XX в. // Куртуа С. и др. Черная книга коммунизма: Преступления, террор, репрессии. М., 1999. С. 14).

¹¹ Завалько Г.А. Понятие «революция» в философии и общественных науках: проблемы, идеи, концепции. М., 2005. С. 11–12.

¹² Александр Луфер мог бы назвать это «политическим картунизмом» – по аналогии с ультрасовременным искусством, отмеченным радикальной эмансипацией формы, но не как в абстракционизме, а в присутствии отслоившейся «формы содержания», вплоть до подчеркнуто предметного, фигуративного гиперреализма.

¹³ Хайдеггер М. Бытие и время. Харьков, 2003. С. 447.

¹⁴ Хабермас Ю. Модерн – незавершенный проект // Вopr. философии. 1992. № 4. С. 42.

В анонсе одной из конференций, посвященных 100-летию ВОСР (РГУ совместно с НИУ ВШЭ), «русская революция» представлена как «учредительное событие советского модерна». В этом смысле практически все «учредительные события» Нового времени были сугубо революционными.

Казалось, что так теперь будет всегда. «Есть у революции начало, нет у революции конца» – это заодно и про конституирующую структуру времени изменений после Ренессанса. И хотя понятие революции условно применимо и к античности (Фернан, Маркс, Энгельс, Эдуард Мейер), понятно, что это несколько специфичное словоупотребление¹⁵.

Хабермас подчеркивает, что «Слово “modernus” впервые было употреблено в конце V в. для отграничения только что официально признанной христианской современности от римско-языческого прошлого. Содержание меняется, но “modernitas” всякий раз выражает сознание эпох, соотносящих себя с прошлым и древностью и понимающих себя как результат перехода от “старого” к “новому”»¹⁶. Само это слово образовано от латинского *modernus* (этимологически связанного с *modo* – «только что»), означающего нечто, существующее в настоящем времени, «прямо сейчас». В Средние века этот термин использовался как антоним слова «древний», или «античный» (*antiquus*), и соотносился с периодом, предшествовавшим Средневековью, в том числе с эпохой Отцов Церкви. При этом «само Средневековье видело в себе современность, или модерн»¹⁷. Это не случайно напоминает парадокс с первыми употреблениями самого термина «революция», когда он обозначал чистый циклизм, возвращение «на круги своя». «Термин “revolutio” в астрономии, откуда он пришел в философию, означал круговое орбитальное движение, обращение небесных тел. Поэтому первые упоминания о “революциях” в политике это упоминания о реставрациях». «Очевидно, первой работой, целиком посвященной проблеме революции, было вышедшее в 1643 году во Франции сочинение Франсуа де Греналя о реставрации старой династии в Португалии»¹⁸.

Это важно, поскольку в современном смысле понятие «модерн» специфицировано именно темпорально и хронополитически – через скорость. Понятие современности не может иметь современного смысла, пока все одинаково современно: для актуализации понятия и проблемы современного должно существовать нечто несовременное, отставшее (точно так же как понятие и ощущение синхронии возможно, только когда есть асинхрония). В этом плане традиция и модерн отличаются прежде всего качеством и темпом изменений. На исходе почти застывшего Средневековья происходит рывок, и на больших скоростях время расслаивается; в один и тот же момент физического времени в нем открывается сосуществование прошлого, настоящего и будущего. Или: отсталого, современного и сверхсовременного. Социальная ткань расслаивается на фракции ретроградов, людей, «поймавших» свое время, и отчаянных новаторов, свое время опережающих. Это расслоение происходит не на уровне отдельных сильно выдающихся личностей (такое было всегда), а именно в массовой стратификации – экзистенциальной, идейно-политической, функциональной. В этом смысле Модерн как современность – это не синхрония со «своим временем», а именно устремленность и опережение – первая производная, дифференциал изменения.

Соответственно, с началом Модерна в истории появляются поток и вектор – «стрела времени». Это задает принципиально новое качество будущего. **В религиях спасения эсхатология застывает в предчувствии События – секу-**

¹⁵ Энгельс называет «революциями» действия Солона и Клисфена; Маркс пишет о «великих социальных революциях», вызванных в античности колебаниями стоимости меди, влиявшими на «качество» рабства.

¹⁶ Хабермас Ю. Указ. соч. С. 40.

¹⁷ Ислам и модерн. М., 2017. С. 8.

¹⁸ Завалько Г.А. Указ. соч. С. 14.

лярный Модерн погружен в Процесс. Если традиционная эсхатология – это ожидание, то Модерн – это творение будущего. Если эсхатология живет откровением и предсказанием, пророчеством, то Модерн – это проект. В этом смысл не только метафизической, но и функциональной, технологической секуляризации с принципиально другим наполнением времени и другой «структурой течения».

Ключевым понятием и базовой идеей Модерна закономерно становится «прогресс». История идет не просто направленно, но именно по восходящей, с кумулятивными накоплениями. Каждая из революций есть качественный скачок в этом восходящем движении. Революционаризм воспринимается в логике Модерна не просто позитивно, но и как квинтэссенция прогресса и культа нового.

Здесь сразу необходимо различить Модерн как отрезок исторического времени – и как идейное движение, как темпоральную оболочку – и ее наполнение историческим смыслом. Критика Модерна и в том числе идей линейного, кумулятивного прогрессизма существовала уже в самом Модерне – как его внутренняя оппозиция и предтеча будущего постмодерна. Более того, внутри «времени Модерна» обнаруживаются даже констатации конца и революционно-прогрессистской идеологии, и самой эпохи. Из того же графа Йорка: «Колебания волн, вызванные эксцентрическим принципом, создавшим более четырехсот лет назад некое новое время, мне кажется, до крайности расплылись и измельчали, познание прогрессировало до снятия его же самого, человек настолько оторвался от самого себя, что себя уже не замечает. “Человек модерна”, т. е. человек после Ренессанса, готов для захоронения»¹⁹. Это сказано... в конце позапрошлого века!

Критикой Модерна иногда представляется идеология «консервативной революции» (О. Шпенглер, Э. Юнгер, К. Шмитт, М. Хайдеггер, В. Зомбарт, Х. Фрейер, А. Меллер ван дер Брук и др.). Политический смысл термина напоминает его первые, «астрономические» трактовки – пусть речь не о реставрации какой-либо конкретной предшествующей модели, но точно о реставрации всего, чему изначально противостоял Модерн утверждением культа свободы, рационализма, индивидуалистического гуманизма и эмансипации личности. Это выражено в понятиях «рефлексивного модерна» (то есть подверженного самокритике) и даже «реакционной модернизации».

Консервативная революция как порождение Веймарского синдрома сама вошла в порождающую идеологию нацизма. В свою очередь ужасы нацизма дали моральный импульс контрреволюции постмодерна: после лагерей смерти трудно было и дальше придерживаться идеи линейного, кумулятивного прогресса с позитивно направленной «стрелой». Однако ряд обстоятельств мешал с такой же определенностью вписать в эту схему ужасы сталинского тоталитаризма, порожденного революцией 1917 года и считавшим себя прямым продолжением святого дела революции до самого конца. Советский тоталитаризм оказался в триумvirате главных победителей нацизма, а по ряду оснований и главным его победителем. Поскольку шока от Освенцима более чем хватило для пересмотра линейности Модерна, можно было обойтись и без ГУЛАГа.

Это лишь усилило путаницу с пониманием исторической графики XX в. и прочерчиванием идущих из Модерна траекторий. Множественные развороты, петли, водовороты и омуты – вечно застойные зоны – до конца не отменили и графику «стрелы», вплоть до объявления Модерна «незавершенным

¹⁹ Хайдеггер М. Указ. соч. С. 447.

проектом» (Хабермас). Консервативная революция породила предавшую Модерн реакцию, побежденную параллельно продолжавшимся Модерном, который, в свою очередь, буквально на глазах расслаивался на фракции одновременно прогрессистские и реакционные, гнал Модерн дальше – и давал все основания для его радикальной критики в моральной составляющей постмодерна. В результате постмодерн расправился с исторической графикой Модерна, отменив все векторные категории движения – прогресс, развитие, направленность и позитивную революционность. Если история объявляется «исчезающим денотатом», теряет смысл идея революции, а сами революции оборачиваются эпизодическим бурлением в застойной воде. Это более похоже на «стоячие волны», как они описаны в гидродинамике. «Антитрадиционалистская энергия взвихривается всепожирающим смерчем. В данном отношении “модерн” – это миф, обращенный против самого себя; его вневременность становится катастрофой для мгновения, взламывающего временную непрерывность»²⁰.

Но это версия не единственная и не окончательная. Как констатирует тот же Хабермас: «Теперь мыслители по-прежнему подразделяются на группы в зависимости от того, придерживаются ли они идей Просвещения, какими бы потрепанными они ни были, или же они поставили крест на проекте модерна»²¹.

4. Исчадие рая. Высокий модерн как «вторая революция» современности

Путаница непреодолима, пока Модерн рассматривают как нечто в себе однородное и либо с позиций самого Модерна, либо извне его. Здесь в Модерне исключены фатальные внутренние противоречия, противоборствующие стороны которых с переменным успехом подавляют друг друга в революциях, глобальных противостояниях, мировых войнах и политических катаклизмах, по потерям соизмеримых с мировыми войнами. Кто-то может внятно объяснить, на каких фронтах и в каких окопах, по какую сторону линии фронта воевал Модерн во Вторую мировую? Куда и как он был приписан тогда в рекогносцировке мировой демократии, немецкого нацизма и советского тоталитаризма?

Так же непросто вписать «консервативную революцию» в логику Модерна (или выписать из нее), признав при этом советский тоталитаризм еще одной, но другой «консервативной контрреволюцией», также изменившей Модерну со всеми его Великими Революциями вместе взятыми, включая русскую, или же, наоборот, апофеозом Высокого модерна в самых опасных, но именно собственных его интенциях.

Все решает выбор фактуры, контрольной предметности. Свою речь на вручении премии Адорно Хабермас не случайно начал с... включения архитектуры в Венецианское биеннале и связанного с этим разочарования видимой изменой духу Модерна (и это в 1980 году, уже в разгар моды постмодерна!). Далее он постоянно возвращается к «эстетической» материи, правда, соскальзывая от архитектуры к ИЗО, не говоря о том, чтобы видеть в архитектуре не отдельные «станковые», выставочные изделия, а город и среду. Тем не менее это точный ход: и революции Модерна, и его историче-

²⁰ Хабермас Ю. Указ. соч. С. 42.

²¹ Там же. С. 45.

скую графику, и диспозицию с постмодерном продуктивнее всего понимать именно через форму и «эстетическое» с приоритетом архитектуры как места рождения и «контрольной предметности» постмодерна. Это относится и к самому Модерну, прораставшему в эскизах идеальных городов, а уже потом в политических и философских программах. Главное в революции Модерна изначально было «увидено» в образе и «нарисовано». «Сначала мы создаем наши дома, а затем наши дома создают нас» (Уинстон Черчилль).

Акцент на форме выделяет две ключевые страсти Модерна: «новое» и «порядок». Одна версия отсчитывает Модерн с времени Буало и Перро, от конфликта во французской Академии между «древними» и «новыми» (верность классическим образцам – либо свободное новаторство, если надо – то и революционное). Победа «сказочника» в этом споре оттеняет идеологизм всего Нового времени, но и культ новизны как таковой, докатившийся до нас недавними воззваниями о модернизации с инновациями.

По другой версии Модерн начинается раньше и в архитектуре, с «идеальных городов» как альтернативы средневековому хаотизму. Это два разных начала эпохи: полемика в Академии – или все же идеальные города Возрождения; *La querelle des Anciens et des Modernes* – или «*Città ideale*» del Rinascimento? Это две конфликтующие оси в Модерне: новое во времени – или порядок в пространстве? Новое – это открытость, независимость и свобода. Порядок – это проект и организация, дисциплина, свободе враждебные. Риски подавления свободы порядком XX в. были почти синхронно проявлены в градостроительстве и политике. Невозможно жить в макете, реализованном в натуральную величину, будь то макет идеального города или общества. В среде, построенной по пусть гениальному, но тотальному проекту, мешает жить оскомина от «красоты» и «искусства», хорошо знакомая музейным работникам и искусствоведам. Тотальный проект исключает пространственную и пластическую фиксацию жизни со всеми ее милыми дефектами и неподражаемым несовершенством. В политике те же риски: «Государство призвано не для того, чтобы превратить жизнь в рай, но для того, чтобы не дать превратиться ей в сущий ад» (Николай Бердяев). Менее известно его же еще более резкое: «Ад нужен не для того, чтобы злые получили воздаяние, а для того, чтобы человек не был изнасилован добром».

Риски тяжкого причинения добра теперь очевидны и универсальны, они одинаковы в техногенных воздействиях и в биоэтике, в политической «евгенике», в социальной и генной инженерии, в чудесах полицейского государства и госплана, в информационной экспансии и новом колониализме. Новое время с трудом обошло здесь не один тупик, но эти тупики не исчерпаны, а у России здесь и вовсе особый путь.

Высокий Модерн довел идею тотального порядка до мыслимого предела, породив два тоталитаризма, наш и немецкий. Политическим ответом на немецкое издание стал Нюрнберг, а мировоззренческим и философским – ревизия идеологии Модерна, несущего, как выяснилось, не только свет. Однако «второй революцией» Модерна в XX в. стала уже не сама идея тотального рационально устроенного порядка, а новое качество в реализации этой идеи²².

Когда-то прорыв в современность «из тьмы средневековья» был окрашен высочайшим пафосом: образы «рассвета» (Руссо), «великолепный восход солнца» (Гегель), «вспышка молнии» (Шеллинг). Но оказалось, что ослепи-

²² См.: Рубцов А.В. Архитектоника постмодерна: время // Вопр. философии. 2011. № 10. С. 37–47; Рубцов А.В. Архитектоника постмодерна: пространство // Вопр. философии. 2012. № 4. С. 34–44; Рубцов А.В. Архитектоника постмодерна: континуум // Вопр. философии. 2016. № 6. С. 66–76.

тельные явления истории нагоняют слепоту на целые народы, вдруг кидающиеся во имя всего хорошего уничтожать себе подобных. XX в. показал, что трагедии и риски современности – не отклонения, а законные порождения Модерна, его темной стороны, опасной, но неотчуждаемой. Эта мысль ожила в самых разных образах: от дуализма доктора Джекила и мистера Хайда до проблем с контролем светлой стороны Силы – Ашлы в ордене джедаев («световой меч» близок метафорам света в немецкой классике, но без фанатизма). Вся эта идейная поппса восходит к древнейшим диалектикам света и тени, добра и зла, но включает их в контекст техногенной современности. Джекил превращается в Хайда именно интересом и силой знания, науки, опыта, технологии. И тягой к рукотворному совершенству – *idée fixe* Модерна.

Новое время открыло человека себе, миру и будущему, сбросив путы косности и слепых верований, расковав субъективность и самопознание. Оно ищет основания только в себе, отвергая устои и предубеждения, все внешнее и предзаданное. Культ разума и объективистская нелицеприятность знания согласуются с ценностями политической справедливости; научная истина и гражданское право гарантированы одинаково – абстрактным Законом, стоящим выше любых интересов, предрассудков и привилегий.

Плюс прорыв в эсхатологии: история становится временем направленного прогресса, движения к осмысленному плану. Начиная с «идеальных городов», слово «идеал» делается ключевым, встраивая в себя проект «открывающей завершенности»: от идеализации прусского государства Гегелем и начала «подлинно человеческой истории» у Маркса до русского политического и художественного авангарда с «до основания, а затем» и «переходом через ноль» у Малевича. Идеальное завершение как абсолютное начало.

Одновременно осваивается универсальное пространство, «председателем» которого объявил себя тот же Малевич с претензией на космос, планету («единая система мировой архитектуры Земли») и «утилитарное совершенство» как таковое. К тотальной архитектуре приходит Modern Movement в установках Гропиуса, Корбюзье или Гильберсеймера («от дверной ручки до системы расселения»). Универсальный стиль демонстрирует «прекрасный максимализм и полуфантастические результаты» в локальных воплощениях: Бразилиа, Чандигарх, Канберра, Тольятти... XX в. – эпоха мегапроектов во всех ипостасях, особенно в России: от ГУЛАГа, секретного «неофициального градостроительства» и экономики тотального плана в СССР до идеалов мировой революции. Те же претензии планетарного масштаба, реализованные для начала «скромно» – в габаритах соцлагеря, мирового освободительного движения и единства всех людей доброй воли.

Преобразование мира и общества – мания Модерна, иногда мистическая. Свобода и регулятивный контроль в одной связке. Реформации и Просвещению сопутствует расцвет демонологии и «охота на ведьм». Кампанелла повернут на астрологии; архитекторы Нового времени дружно увлекаются масонством с поисками тайного кода изменений. Этот энтузиазм всегда чреват выходом и торжеством темной стороны. Уже в «Городе Солнца» решены вообще все проблемы: слепые чешут шерсть, хромы стоят на страже, а бесплодные женщины поступают в «общее пользование». Эта мораль без компромиссов: «Подвергаются смертной казни те, которые из желания быть красивой начали бы румянить лицо, или стали бы носить обувь на высоких каблуках». После 27 лет тюрьмы социальный рай видится утописту острогом с плахой. И встречный ход: идеальная тюрьма – «Паноптикум» Иеремии Бен-тама – по графике и стилю едва отличима от проектов идеальных поселений.

Вся эта экзотика высвечивает родовую травму Модерна: фиксация на упорядоченности (regularity), измерении и исчислении всего, включая повседневную жизнь, на деле оборачивается новыми формами индивидуального надзора, дисциплины, контроля. Прямая дорога в ад по пути в рай. Инверсия Мефистофеля: часть той силы, что хочет блага – и вечно совершает зло²³.

Западные революции всем этим пугали, но, отыграв свое, заканчивались. Мгновенное падение в дикость сопровождало каждый рывок прогресса. Дочери казненного французского аристократа тычут в лицо насаженной на пикку головой отца с пучком сена во рту с криками: «Поцелуй папу!». Русская революция сделала этот срыв хроническим: изуверство оказалось куда более массовым, затяжным и изощренным. Но это стало возможным именно в рамках реализации проекта – тотальной политики и тотальной архитектуры. Эта мания – построить все и всех, город и общество, среду, саму жизнь и каждого в отдельности – до сих пор не изжита. Хорошо, если это всего лишь в духе тотального театра Гропиуса-Пискатора (характерно название одной из статей на эту тему: «От драматического театра – к большому драматическому, от идеального театра – к тотальному»). Но, как и прежде, тотальность убивает жизнь – например, когда постановкой тотального театра становится сама жизнь общества.

В этом смысле революция как проект пожирает не только своих детей, но и себя самое. Проект всегда направлен в будущее и встроен в него, но он же будущее и убивает: в будущем не оказывается ничего, кроме перенесенного туда настоящего – проекта из прошлого проектирования. Все это невозможно без тотального насилия, и пока такое насилие воспроизводится, революция не закончена – наша в том числе.

5. Революционный нарциссизм. Психопатология борьбы и победы²⁴

Помимо особой хронополитики революции характеризуются и определенным психотипом – «характером», в равной мере присущим лидерам, политическим сборками, авангардам классов и массовидных образований, режимам, а также действиям и процессам. Это объяснимо: режим оказывается психотипически «похож» на харизматика или, наоборот, тип харизматика отфильтровывается характером действия и режима.

Важнейшие моменты самосознания нации – история и психология – синтезируются в психоистории. Это как пакет документов для оформления: автобиография, справки о здоровье, в том числе психическом.

Психоисторию общества и государства российского уже давно ломают через колено. Видно, как резко перестраивается коллективная память, а с ней и сам психотип режима, социума, массы. В переписывании истории национальная гордость великороссов уже явно переливается через край. И наоборот: раздувшаяся гордыня требует идеализирующей перезагрузки образов прошлого. Типичный случай самораскачки замкнутого контура с положительной обратной связью.

²³ См.: Рубцов А.В. После постмодерна: реабилитация философии // Философ и наука. Александр Павлович Огурцов. М., 2016. С. 360–431.

²⁴ Подробнее об этом см. авторский цикл статей «Политический нарциссизм в России»: Рубцов А.В. Политический нарциссизм в России // Forbes. 12.09.2016, 19.09.2016, 27.09.2016, 06.10.2016, 17.10.2016, 09.11.2016, 16.12.2016, 14.02.2017, 28.02.2017, 27.03.2017, 29.04.2017, 13.05.2017, 02.06.2017, 19.07.2017.

В связке истории с психологией революция тянет за собой прежде всего нарциссизм – со всеми его комплексами и расстройствами. Революция это вообще исторический, идеологический и политический нарцисс – по определению. Но для России коллизия чревата еще и тем, что страна за сто лет морального одиночества толком так и не вышла из революции. Учредительное собрание разогнали будто вчера, караул до сих пор не отдохнул, проблема базовой, учредительной легитимности не снята. Психологически она вытесняется болезненным самодовольством без малейшей тени сомнения. Невротическая агрессия подогревает холодную гражданскую войну, а идеологическую борьбу превращает в полемику на поражение.

Классовый враг не сдастся, но и не уничтожится. Чем активнее мифология «стабильности» и показное миролюбие, тем труднее скрыть невроз неуверенности и плохих предчувствий. Кажется, что консолидация социума достигла предела и оппозиция полностью деморализована. Но если бы страхов революционной ситуации не было, не нужна была бы вся эта машинерия пропаганды и контрпропаганды, зажим СМИ, истеричная дискредитация и без того бессильной фронд. Масштабы задействованных и стянутых оборонительно-наступательных ресурсов красноречивее всего говорят об ощущении явной и скрытой угрозы.

Связь между нарциссизмом и неизжитой революцией не только ситуативная, но и сущностная. Революционаризм вообще заряжен патологией самовлюбленности, фиксации на собственной «грандиозности» и «всемогущественности». Маркс говорил о начале «подлинно человеческой истории» – масштаб минимум пришествия. Великие революции и революционеры этим отмечены в полной мере и без исключения.

Лидер или революционная партия – это всегда авангард в самооценке. Этим уже все сказано. Нужно очень хорошо думать о себе, чтобы «возглавить движение» чего бы то ни было, тем более масс и самой истории.

Далее, революция – это идеология, а любая идеология нарциссична по определению. Это всегда догмат, «вера в упаковке знания», а догматик и есть не что иное, как концептуальный, идейный нарцисс. Идеология относится ко всему окружающему ее идейному пространству точно так же, как человек-нарцисс относится к другим людям и к окружающему миру: ноль эмпатии, готовность использовать других как восторженное стадо на полигоне.

Наконец, революция – это типичный нарцисс среди других, более спокойных и умеренных «обитателей истории». Революция всегда осознает себя на гребне исторических движений и эпохальных переворотов – «тектонических сдвигов». Мегаломания – привычное расстройство для революционаризма.

Революцию делают нарциссы, но и она делает людей нарциссами. Пределно завышенный пафос, идейное и моральное ничтожество врагов, борьба и победа, сплочение, нарциссические переносы на вождя, организацию и движение, не говоря о грандиозности политической сверхзадачи и всемогущественности взявшихся эту сверхзадачу решать и решить.

Особо напряженный нарциссизм свойствен всякого рода чрезвычайщине и психологии этого типа лидеров: все делается будто перед камерой или перед зеркалом (что при выстроенных СМИ одно и то же). Образ самовлюбленного Нарцисса здесь настолько хлесткий и убедительный, что остается лишь недоумевать, почему за него не хватается падкая на эффекты журналистика. Достаточно посмотреть в ТВ глазами психоаналитика-любителя на всех этих лидеров, дикторов и ведущих ток-шоу, экспертов и почитателей вождей с типичным нарциссическим переносом на предметы обожания «себя в них».

Здесь важен не только диагноз, но и эпикриз. Нарциссизм ошибочно рассматривать как что-то редкое и маргинальное, он вовсе не обязательно связан с заболеванием. Нарциссизм бывает профессиональный и возрастной, не только деструктивный, но и конструктивный. Американцы обнаруживают нарциссическую симптоматику у почти четверти населения Штатов; динамика распространения синдрома в студенческой среде и вовсе кажется обвальнoй. «Веком нарциссизма» объявлена вся эпоха постмодерна.

Считается, что известная доля нарциссизма необходима для полноценной самореализации. Однако для судьбы синдрома все начинается с нормального, естественного нарциссизма ребенка, ощущающего, что мир замкнут на него, а сам он неотразимо великолепен в реакции взрослых. Так формируется «базовое доверие к миру». Пережив стадию нормальной детской самовлюбленности, человек формируется без отклонений. И наоборот, дефицит любви, обожания и самообожания в детстве вынуждает пациента компенсировать эти ранние потери злокачественным нарциссизмом во взрослой жизни. Упиваясь фантазиями собственной грандиозности и всемогущести, субъект теряет связь с реальностью, начинает навязчиво ставить себя в центр внимания, требовать от других дежурного восхищения, при этом относясь ко всем исключительно как к инструменту демонстрации восторга. Увенчивается синдром полной атрофией рефлексии и эмпатии, абсолютной нетерпимостью к критике, приводящей к вспышкам особого рода «нарциссического гнева» и «нарциссической ярости». Может убить.

Все это слишком узнаваемо в политике, чтобы надо было что-то здесь комментировать. Более того, распространение индивидуальной, личностной патопсихологии на идеологию, политику и психику масс – не поверхностная аналогия, а опция, предусмотренная еще основателями психоанализа.

На политические процессы распространяемы и представления о возрастных циклах нарциссизма, что напрямую связано с проблемой революции. Будучи сама по определению нарциссичной, революция производит на свет «новорожденный» режим, который также требует определенного периода «детского» нарциссизма. Чтобы пережить обычную в таких случаях разруху и нормально выйти из революции, обществу необходима изрядная доля радостного энтузиазма и уверенности в себе, граничащей с идейным самообожанием. Если же новый режим и социум с младенчества мешают с грязью и фатально обесценивают, как это было у нас в 1990-е годы, повзрослевшая политическая особь закономерно превращается в злокачественного нарцисса, идеализирующего себя самым непотребным образом, а всех остальных представляющего безнадежными ничтожествами. По нашим оценкам, все в мире громоздят ошибку на ошибку и не заслуживают от нас ничего, кроме злой иронии и сарказма. Назови мне такую обитель, которую мы еще не опустили и не пытались бы поучать всему, начиная с вечных моральных ценностей, единственными хранителями которых мы сами себя в этом мире назначили.

Проблема переходящего в расстройство деструктивного, злокачественного нарциссизма не только в том, что он разрушает мораль и сознание, насилуя бессознательное. Мифологический Нарцисс, наказанный богами за грубое невнимание к нимфе Эхо, влюбился в собственное отражение... и в итоге умер не только от неразделенной любви к себе, но и от голода. Это диагноз. Революциям, упивающимся своей всемирно-исторической грандиозностью, вообще свойственно некоторое невнимание к прозе жизни и организации быта, вплоть до проблем с питанием вплоть до голода. Однако нормальное взросление в процессе выхода из революции все расставляет по

своим местам. Когда же взрослый компенсаторный нарциссизм приобретает деструктивные формы, он и далее продолжает жертвовать прозой жизни во имя картинки величественных свершений глобального, всемирно-исторического масштаба. Ради этой великой, но виртуальной цели жертвуют экономикой, производством, качеством жизни, социальными гарантиями, а в итоге и той инфраструктурой, которая это величие обеспечивает, – культурой, наукой, образованием. Чтобы все эти утраты можно было отчасти не замечать, а отчасти оправдывать, приходится постоянно революционизировать идеологию, идеальную составляющую политики, всю сферу массового производства сознания. Революция продолжается в хроническом воспроизводстве чрезвычайного положения, всякого рода переходности и неординарности – как с бесконечным благоустройством Москвы и наведением порядка во всем внешнем мире, от запрещенного ИГИЛ до разрешенного Трампа.

В легенде о Нарциссе есть еще один принципиальный момент: пациент влюбился не просто в себя, но именно в собственное отражение. Политический нарциссизм тоже завязан на любви не столько к себе, сколько к картинке. Так, мы должны впечатляться не качеством жизни в новой среде Москвы, а благоустройством как самоценным произведением, выполненным даже не по проекту, а по рекламной визуализации. Точно так же свое влияние в мире мы практически не можем в чем-либо осязаемом материализовать, «зафиксировав прибыль», но готовы тратить огромные ресурсы на грандиозную внешнеполитическую визуализацию.

Разрешение революционизирующей коллизии в целом понятно: необходимо прекращать разжигание холодной гражданской войны и более критично рассматривать проявления мегаломании. В повестке дня более актуальным становится банальное восстановление народного хозяйства с аккуратной трудовой психотерапией.

Список литературы

- Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть / Ред. В.Ю. Черняев. СПб.: Глаголь, 1994. 444 с.
- Блюм Р.Н. Поиски путей к свободе: проблема революции в немарксистской общественной мысли XIX века. Таллин: Эсти раамат, 1985. 238 с.
- Вебер М. Политика как призвание и профессия / Пер. с нем. А.Ф. Филиппова и П.П. Гайденоко // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 644–706.
- Гачич А.Э., Лушников Д.А. Технологии «цветных революций». М.: Риор, 2010. 132 с.
- Голдстоун Д.А. Революции. Очень краткое введение / Пер. с англ. А. Яковлева. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. 192 с.
- Голдстоун Д. К теории революции четвертого поколения / Пер. с англ. Н. Эдельмана // Логос. 2006. № 5. С. 58–103.
- Завалько Г.А. Понятие «революция» в философии и общественных науках: проблемы, идеи, концепции. М.: КомКнига, 2005. 320 с.
- Ислам и модерн / Пер. с перс. И.Р. Гибадуллина; науч. ред. Е.А. Фролова. М.: Садр, 2017. 280 с.
- Рубцов А.В. Архитектоника постмодерна: время // Вопросы философии. 2011. № 10. С. 37–47.
- Рубцов А.В. Архитектоника постмодерна: пространство // Вопросы философии. 2012. № 4. С. 34–44.
- Рубцов А.В. Архитектоника постмодерна: континуум // Вопросы философии. 2016. № 6. С. 66–76.

- Рубцов А.В.* После постмодерна: реабилитация философии // Философ и наука. Александр Павлович Огурцов / Отв. ред. С.С. Неретина. М.: Голос, 2016. С. 360–431.
- Рубцов А.В.* Политический нарциссизм в России // Forbes. 12.09.2016, 19.09.2016, 27.09.2016, 06.10.2016, 17.10.2016, 09.11.2016, 16.12.2016, 14.02.2017, 28.02.2017, 27.03.2017, 29.04.2017, 13.05.2017, 02.06.2017, 19.07.2017.
- Сабурова Т., Эклоф Б.* Дружба, семья, революция: Николай Чурушин и поколение народников 1870-х годов. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 448 с.
- Сорокин П.А.* Социология революции / Пер. с англ. А.Ю. Согомонова // *Сорокин П.А.* Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. С. 266–294.
- Хабермас Ю.* Модерн – незавершенный проект // Вопросы философии. 1992. № 4. С. 40–51.
- Хайдеггер М.* Бытие и время / Пер. с нем. В.В. Бибихина. Харьков: Фолио, 2003. 503 с.
- Шенелева В.Б.* Революциология. Проблема предпосылок революционного процесса 1917 года в России (по материалам отечественной и зарубежной историографии). Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. 392 с.
- Шишкин М.* Русская Швейцария. Фрагменты книги // Дружба Народов. 2001. № 4. URL: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2001/4/shish.html> (дата обращения: 04.09.2017).
- Эйзенштадт Ш.* Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций / Пер. с англ. А.В. Гордона под ред. Б.С. Ерасова. М.: Аспект Пресс, 1999. 416 с.
- Яковлев А.Н.* Большевизм – социальная болезнь XX в. // *Куртуа С. и др.* Черная книга коммунизма: Преступления, террор, репрессии / Пер. с фр. М.: Три века истории, 1999. С. 14–40.
- Brinton C.* The Anatomy of Revolution. Revised ed. N.Y.: Vintage Books, 1965. 320 p.
- Goldstone J.* Revolution and Rebellion in the Early Modern World. Berkeley: University of California Press, 1991. 600 p.
- Skocpol T.* States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia and China. Cambridge: Cambridge University Press, 1979. 392 p.

Revolution as a chronopolitics and an ethos

Alexander V. Rubtsov

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: roubcov@inbox.ru

The present article examines the two opposing approaches to revolution, that of cult-like worship vs. that of amnesia, or the nation's foundation myth vs. the origin of trauma. The author provides an analysis of the contradictory attitude toward the October Revolution in today's Russia, both when considered as an event in 1917 or seen as a political fact of universal significance. The recent history and political overturns which occurred in geographical proximity of Russia give multiple examples of how the idea of revolution as the highest possible threat is formed. This perspective allows to view Modernity as a revolution in itself and also as the Age of revolutions, fundamental to which is the conflict between the idea of the new and that of order, as well as dualism between modernization and totalitarianism, freedom and technocratic dictatorship. Particular attention is given to the destiny of both the notion and the phenomenon of revolution in postmodern thinking, considering its perception of history as a 'vanishing denotatum'. Revolution can also serve as one of the key notions of chronopolitics, or the politics of speed. Apart from this, the author attempts to demonstrate the historical nature of such terms as 'the present age', 'the time being', and similar: they emerge only when unified time, owing to ever increasing speed, gets exfoliated engendering the conflict between the alternating phases of lagging and outstripping. From the anthropological point of view, revolution can be analysed in terms of pathopsychology of political narcissism.

Keywords: revolution, chronopolitics, politics of speed, present age, modernity, postmodernity, novelty, order, freedom, totalitarianism, political narcissism

References

- Blyum, R. *Poiski putei k svobode: problema revolyutsii v nemarksistskoi obshchestvennoi mysli XIX veka* [Search for the Way to Freedom: The problem of revolution in non-marxist thought of the 19 century]. Tallin: Eesti raamat Publ., 1985. 238 pp. (In Russian)
- Brinton, C. *The Anatomy of Revolution*, Revised ed. New York: Vintage Books, 1965. 320 pp.
- Chernyaev, V. (ed.) *Anatomiya revolyutsii. 1917 god v Rossii: massy, partii, vlast'* [Anatomy of a revolution. The year 1917 in Russia: masses, party, power]. St.Petersburg: Glagol' Publ., 1994. 444 pp. (In Russian)
- Eisenstadt, Sh. *Revolyutsiya i preobrazovanie obshchestv. Sravnitel'noe izuchenie tsivilizatsii* [Revolution and the Transformation of the Societies. Comparative Studies of the Civilizations], trans. by A. Gordon and B. Yerasov. Moscow: Aspect Press Publ., 1999. 416 pp. (In Russian)
- Gapich, A. & Lushnikov, D. *Tekhnologii 'tsvetnykh revolyutsii'* [Technologies of 'Color Revolutions']. Moscow: Rior Publ., 2010. 132 pp. (In Russian)
- Gibadullina, I. (tr.) & Frolova, Yu. (eds.) *Islam i modern* [Islam and Modernity]. Moscow: Sadra Publ., 2017. 280 pp. (In Russian)
- Goldstone, J. "K teorii revolyutsii chetvertogo pokoleniya" [Towards a Fourth Generation of Revolutionary Theory], trans. by N. Edel'mana, *Logos*, 2006, No. 5, pp.58–103. (In Russian)
- Goldstone, J. *Revolution and Rebellion in the Early Modern World*. Berkeley: University of California Press, 1991. 600 pp.
- Goldstone, J. *Revolyutsii. Ochen' kratkoe vvedenie* [Revolutions: A Very Short Introduction] trans. by A. Yakovlev. Moscow: Gaidar Institute Publ., 2015. 192 pp. (In Russian)
- Habermas, J. "Modern – nezavershennyi proekt" [Modernity: An unfinished project], *Voprosy filosofii*, 1992, No. 4, pp. 40–51. (In Russian)
- Heidegger, M. *Bytie i vremya* [Being and Time], trans. by V. Bibikhin. Kharkov: Folio Publ., 2003. 503 pp. (In Russian)
- Rubtsov, A. "Posle postmoderna: rehabilitatsiya filosofii" [After Postmodernism: rehabilitation of philosophy], *Filosofi nauka. Aleksandr Pavlovich Ogurtsov* [Philosopher and science. Aleksander Pavlovich Ogurtsov], ed. by S.Neretina. Moscow: Golos Publ, 2016. pp. 360–431. (In Russian)
- Rubtsov, A. "Arkhitektonika postmoderna: kontinuum" [Architectonics of the Postmodern: continuum], *Voprosy filosofii*, 2016, No. 6, pp. 66–76. (In Russian)
- Rubtsov, A. "Arkhitektonika postmoderna: prostranstvo" [Architectonics of the Postmodern: space], *Voprosy filosofii*, 2012, No. 12, pp. 34–44. (In Russian)
- Rubtsov, A. "Arkhitektonika postmoderna: vremya" [Architectonics of the Postmodern: time], *Voprosy filosofii*, 2011, No. 10, pp. 37–47. (In Russian)
- Rubtsov, A. "Politicheskii nartsissizm v Rossii" [Political Narcissism in Russia], *Forbes*, 12.09.2016, 19.09.2016, 27.09.2016, 06.10.2016, 17.10.2016, 09.11.2016, 16.12.2016, 14.02.2017, 28.02.2017, 27.03.2017, 29.04.2017, 13.05.2017, 02.06.2017, 19.07.2017. (In Russian)
- Saburova, T., Eklof, B. *Druzhiba, sem'ya, revolyutsiya: Nikolai Charushin i pokolenie narodnikov 1870-kh godov* [Friendship, Family, Revolution: Nikolay Charushin and the 1870-ies generation of narodnikov]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2016, 464 pp. (In Russian)
- Shepeleva, V. *Revolyutsiologiya. Problema predposylok revolyutsionnogo protsessa 1917 goda v Rossii: (po materialam otechestvennoi i zarubezhnoi istoriografii)* [Revolutionology. The preconditions for the revolutionary process in Russia 1917: (based on russian and foreign historiography)]. Omsk: Omsk St. Univ. Publ., 2005. 392 pp. (In Russian)

Shishkin, M. “Russkaya Shveitsariya. Fragmenty knigi” [Russian Switzerland. Fragments from the book], *Druzhba Narodov*, 2001, No. 4. [<http://magazines.russ.ru/druzhba/2001/4/shish.html>, accessed on 04.09.2017]. (In Russian)

Skocpol, T. *States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia and China*. Cambridge: Cambridge University Press, 1979. 392 pp.

Sorokin, P. “Sotsiologiya revolyutsii” [Sociology of Revolution], trans. by A. Sogomonov, in Sorokin, P.A. *Chelovek. Tsivilizatsiya. Obshchestvo* [Human being. Civilization. Society]. Moscow: Politizdat Publ., 1992, pp. 266–294. (In Russian)

Weber, M. “Politika kak prizvanie i professiya” [Politics as Vocation and Profession], trans. by A. Filippov and P. Gaidenko, in Weber, M. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow: Progress Publ., 1990. pp. 644–706. (In Russian)

Yakovlev, A. “Bol’shevizm – sotsial’naya bolezнь XX v.” [Bolshevism – Social Disease of the XX Century], in: S. Kurtua et al., *Chernaya kniga kommunizma: Prestupleniya, terror, repressii* [Black Book of Communism: Crimes, terror, repressions]. Moscow: Tri veka istorii Publ., 1999, pp. 14–40. (In Russian)

Zaval’ko, G. *Ponyatie ‘revolyutsiya’ v filosofii i obshchestvennykh naukakh: problemy, idei, kontseptsii* [The Notion ‘Revolution’ in Philosophy and Social Sciences: problems, ideas, theories]. Moscow: KomKniga Publ., 2005. 320 pp. (In Russian)